

Пётр Гладилин

Похищение ЭС

Комедия с балетом и синхронным плаванием

Посвящается моему отцу

Все права принадлежат автору

Гладилин Петр Владимирович
8 926 142 60 56
8 (499) 151 50 07 dd@m9com.ru

Действующие лица

Владимир Харитонович Савинов (Володенька эС) — моторист-электромеханик третьего класса.

Ангелина Ивановна — его супруга, балерина.

Маша Дробикова — рыбачка.

Прасковья — домработница, в прошлом аккомпаниатор.

Семен Камов — молодой матрос.

Анфиса — дочка Владимира Харитоновича.

Павел Аркадьевич — сосед Ангелины Ивановны.

Другие дочери Владимира Харитоновича.

Сцена первая

В любящих сердцах.

Ангелина. Володенька, ты где?

Володенька. Далеко, любимая. В Одессе я, Ангел, Ангел, Ангелиночка моя.

Ангелина. Подойди, я тебя поглажу.

Володенька. Нельзя, невозможно. Вот вернусь в Санкт-Петербург, и обнимешь.

Ангелина. Что же ты в Одессе-то делаешь?

Володенька. Ремонтирую дизель, силовой агрегат, судно к пятнице обещал, что в море выйдет. Путина на носу, а двигатель не заводится.

Ангелина. Тоскливо мне без тебя, Володенька, тоскливо.

Володенька. Потерпи недельку-другую, скоро уже. Давай-ка на боковую и спать.

Одесса. Комната в рыбацком общежитии.

Володенька. Ну, все, кажется, пришли. Заходи, Маша.

Маша. Что ты сказал, не расслышала я.

Володенька. Ты что, меня стесняешься?

Маша. Девчата спохватятся, что меня нет, искать станут.

Володенька. Пусть ищут. Им вечерами так и так заняться нечем.

Маша. Надя-то заметила, как мы с тобой на пристани шептались. Сразу смекнет, где искать. Разговоры пойдут.

Володенька. Пусть говорят, что хотят.

Маша. Я так не могу. Я на прошлой неделе Верку шка-мройкой назвала.

Володенька. А что это, по-вашему, по-девчачьему, «шка-мройка»?

Маша. Ну, это значит нехорошая девушка, легкого поведения.

Володенька. Шкамройка?!

Маша. Слово наше. Никто его не знает. Так только рыбачки говорят.

Володенька (*целует ее*). Ну, ну, иди ко мне, рыбачечка ты моя.

Маша. Шея у меня очень чувствительная. Еще в шею поцелуй. Я такое очень люблю.

Володенька. Машенька, Машуля!

Маша. Я ведь тебя домой в Санкт-Петербург не отпущу.

Ты никуда не уедешь, а останешься в рыбкомбинате навсегда. Иначе все это совершенно бессмысленно. **Володенька** (*целует ее руки и плечи*). Красивая ты, красивая очень.

Маша. Володенька! Иначе все это совершенно бессмысленно.

В любящих сердцах.

Ангелина. Вова! Принеси мне чаю холодного, на буфете стоит. В горле пересохло.

Володенька. Сколько можно объяснять, в Одессе я. Двигатель ремонтирую. Спи, угомонись.

Ангелина. Володенька, милый мой, мальчик мой, единственный мой, душа моя.

В общежитии.

Маша. Что случилось, Владимир Харитонович! Побледнели вы, смотрите, как кровь с лица схлынула.

Володенька. Все хорошо, Маша. Померещилось тебе.

Маша. У меня сердце отзывчивое, я все чувствую.

Володенька. Ну, что, что ты чувствуешь?

Маша. Крутит, мучает тебя что-то.

Володенька. У меня есть друг в Петербурге, очень близкий друг.

Маша. Ну?! Что замолчал?

Володенька. Видела, какое сегодня море, почернело.

Маша. Это от ветра. Черное, штормовое море. В прошлом году траулер не вернулся. Лицо у меня, наверное, очень красное, да? Обветрила я его сильно.

Володенька. Хорошее у тебя лицо.

Маша. Поцелуй меня.

Володенька (*целует*). Маша!

Маша. Целуй, пока дозволено.

В любящих сердцах.

Ангелина. Володенька! Любимый мой!

В общежитии.

Маша. Станный ты немного, необычный ты мужчина. Таких у меня не было.

Володенька. Я странный? Так все люди странные, не странных людей нет.

Маша. И кто друг твой? Мужчина или женщина?

Володенька. Женщина.

Маша. Мать твоих детей или просто знакомая?

Володенька. Жена. Только детей у нас нет.

Маша. А сколько лет вместе живете-то?

Володенька. Давно уже.

Маша. А детей-то почему нет?

Володенька. Балерина она. Ей нельзя было, а сейчас уже поздно.

Маша. Танцует?

Володенька. На пенсии. Они рано на пенсию выходят.

Маша. И что же, она хорошая?

Володенька. Да, очень. Она очень хорошая. Скучаю я по ней. Сильно. Зачем я тебе все это рассказываю?

Маша. А мне все равно. Как вы друг к другу относитесь. У меня, между прочим, тоже был любимый человек.

Володенька. Может, не стоит, Мария? Может, задумаемся, пока не поздно?

Маша. А что здесь думать, мы же с тобой не математики.

Володя целует Машу.

В любящих сердцах.

Ангелина. Володенька, дай мне твою руку. У меня в жизни нет ничего, кроме твоей руки, горячей, нежной муж-

ской руки. Я твоя девочка, твоя маленькая девочка. Я засыпаю, засыпаю.

В общежитии.

Маша. У меня такое ощущение, что она здесь, между нами.

Володенька. С этим ничего поделать нельзя. Этот человек всегда в моей душе, а значит, этот человек рядом с нами.

Маша. Вчера к берегу принесло льдину. В эту льдину вмерзла серебряная рыба. Я так же вмерзла в жизнь, как эта рыба в лед.

Володенька. А где же твой любимый человек?

Маша. Утонул. Три года уже.

Володенька. Он у тебя в душе?

Маша. Ага.

Володенька. Разговаривает?

Маша. Иногда, очень редко.

Володенька. А моя все говорит, говорит. Не замолкает ни на секунду. Живая она. Пойдем.

Маша. Куда?

Володенька. На пристань.

Маша. Зачем?

Володенька. Поможешь перебрать двигатель. Утром заберу деньги из бухгалтерии и улечу домой. Надоела мне эта командировка.

Маша. То есть я должна подсобить, чтобы ты поскорее влип в объятия своей танцули? Может быть, ты попросишь об этом другую девушку, чтобы она тебе подсобила-то?

Володенька. Я никого здесь не знаю.

Маша (про себя). Она никогда тебя не увидит!

Володенька. Что ты сейчас сказала?

Маша. Скоро выходные, там и отдохну. На свиданье собралась к командировочному. Вот глупая.

Сцена вторая

Пристань. У причала стоят рыбацкие суда. Маша и Володя перебирают двигатель. Она светит, он работает.

Володенька. Я согнусь, а ты посвети.

Маша. Ой. Ой. Ай-яй-яй! Сюда светить, значит? Ага! Так!

Володенька. Вот и все. Готово — Вова! Вова — готово! Вовчик — готовчик!

Маша. Ну что, выйдем в море, опробуем на ходу?

Володенька. Ночью?

Маша. Почему бы и нет. Небольшая прогулка. По морям, по волнам. Это же так прекрасно.

Володенька. Сомнительная затея, неверное дело.

Маша. Обычное дело — выйти в море, и все. День, ночь — какая разница?

Володенька. Но для этого нужно получить разрешение начальника порта.

Маша. Боже мой! Какие мужчины стали скучные. А для того чтобы пригласить женщину в кино, тебе тоже нужно разрешение начальника порта?

Володенька. Море — это не кино.

Маша. Для настоящего мужчины море — это кино, только настоящее кино. Что я тебя уговариваю, это же твоя работа, твой двигатель. Это тебе нужно опробовать его на ходу. Смотри, какая ночь, посмотри, Володенька, какие звезды на небе.

Володенька. Ну, звезд я, положим, не вижу.

Маша. Они за облаками, но они нам сияют, как дикие звери. Нам — путешественникам, романтикам, мореплавателям.

Володенька. Мы запустим машину, она поработает малость на холостом ходу, и мы вернемся по квартирам.

Маша. Нет, нет. На холостом не пробуют работу машины. Пусть она приведет в движение винты и сдвинет с места судно.

Володенька. Да разницы нет никакой. Что на холостом ходу, что не на холостом.

Маша. Огромная разница.

Володенька. А в чем? Я хочу узнать.

Маша. А в том, что об этом тебя просит дама! Черт тебя подери!

Володенька. Ну ладно, ладно, сделаем кружочек. Но только один кружочек.

*Судно выходит в море. Ночь. Крепкий ветерок.
Двигатель работает ритмически! Музыкально! Как часы!*

Маша. Хороший ты механик. Все говорят! Молодец!

Володенька. А что за шумок, странный такой. Не кажется ли тебе? Такое... трам-трам-трам!

Маша. Это посуда на камбузе гремит.

Володенька. А мне померещилось — клапана.

Маша. Тарелки немытые стоят третий день.

Володенька. Ну, это другое дело. *(Прислушивается.)* Точно тарелки-то?

Маша. Ну, я точно говорю, что тарелки. Я с них вчера ела.

Володенька. Слышишь металлический звучок такой идет? Некое такое — цом-цом-цом!

Маша. Ну и вилки немножечко тоже стучат. Вилки с ножами такие же немытые лежат! Дорожка лунная стелется. Хорошо. Красиво! Будет ли в твоей жизни еще одна такая ночь?

Володенька. Точно не будет никогда.

Маша. А давай ребеночка зачнем. Прямо здесь, сейчас. В море. Ночью.

Володенька. Зачем это?

Маша. Может быть, тогда у него будет необычная судьба. Он станет каким-нибудь великим!.. Мореплавателем, писателем, музыкантом, человеком с необычной судьбой!

Володенька. Я женат. Зачем мне дети на стороне. Да еще зачатые при таких странных обстоятельствах! Давай не будем, Мария. Не надо. Умоляю тебя! Ну не надо!

В любящих сердцах.

Ангелина (*истерически*). Вова!

Володенька (*вздрыгнул*). У-у!

Ангелина. Лежу я в постели, а чувство у меня такое, что меня покачивает. А может, давление в сосудах прыгнуло?

Володенька. С чего ты взяла, у тебя прекрасные сосуды!

Ангелина. У тебя там все нормально, Володенька?

Володенька. Да все хорошо.

Ангелина. Ты один?

Володенька. Один.

Ангелина. В своей кроватке?

Володенька. Да. Читаю Золя. Третий том. Руггон и Макары.

Ангелина. А что ж меня-то в моей собственной кровати так покачивает?

Володенька. Не знаю, деточка, не знаю.

Ангелина. Принеси мне воды и таблетку ношпы.

Володенька. Я в Одессе, Ангелина. Не могу. Сколько ж можно говорить-то?

Ангелина. У вас тоже ночь?

Володенька. Ночь.

Ангелина. Ты один?

Володенька. Один я, один.

Ангелина. Ой, тяжело, болтает меня, мутит меня.

В море.

Маша (*целует Володеньку, руки ему целует*). Любимый мой, дружочек мой.

Володенька. Все, разворачиваемся, машина работает хорошо, идем к берегу.

Маша. Так значит, что все между нами кончено и не будет ничего?

Володенька. Нет. Ничего не будет.

Маша. Будет все, будет, не так, как ты хочешь, а по-моему все будет! У нас будет! Будет! Семеро по лавкам! Большая дружная семья!

Володенька. О, навязалась на мою голову! Сумасшедшая баба!

Маша. Я сейчас. Вернусь.

Володенька. Куда ты?

Маша. В трюм.

Володенька. Что тебе в трюме-то делать?

Маша. На ветру прическа разваливается, пойду заколю.

Глаза заодно подведу.

Володенька. Зачем тебе подведенные глаза ночью-то. А прическа тебе зачем?

Маша бежит в трюм.

Связался... в другой раз мне урок будет. Пошла делать макияж. Прихорашивается, значит. Понравиться мне хочет! Ага. Впечатление на меня решила произвести.

На палубу выходит красивая Маша.

И губы подвела! И румянами себя! О, хороша!

Маша. Что, красивая?

Володенька. Слов нет.

Маша. Мы никогда не вернемся на пристань!

Володенька. Это почему?

Маша. Я открыла кингстоны! Мы умрем в этом черном, как смола, штормовом и холодном зимнем море. Ты и я! Ты мой! Мой навеки!

В петербургской квартире.

Ангелина встает с постели, бежит к телефону, набирает номер.

Ангелина. Прасковья!

Прасковья. Напугали вы меня, три ночи, Ангелина Ивановна!

Ангелина. Что такое кингстоны, Прасковья? Я много раз слышала это слово и никогда не понимала его значения. Кингстоны! Может быть, это стоны короля? По-английски! «Кинг» — это король. Стоны — это стоны. Плач короля. Так получается. У тебя брат моряк-североморец. Не могла бы ты ему позвонить немедленно и узнать, что такое кингстоны.

Прасковья. Хорошо, Ангелина Ивановна, сейчас позвоню!

Ангелина. И перезвони мне! Тотчас!

Прасковья. Всенепременно, голубушка Ангелина Ивановна.
(*Кладет трубку.*) Звонит в три ночи узнать про кингстоны... Я к ним нанималась в домработницы не для того, чтобы в три ночи узнавать про кингстоны. Позвоню Васе, спрошу. Три часа ночи! Бедный, бедный Вася.

В море.

Маша. Наше судно медленно набирает воду! Мы тонем. **Володенька.** Ты лжешь.

Маша. Я клянусь. Мы тонем. Мы медленно идем ко дну. Температура воды за бортом три градуса по Цельсию. Больше трех минут в ледяной воде мы не продержимся. Троекратное ура! Ура! Ура! Ура!

Володенька бросается в трюм.

В Петербурге.

Прасковья (*по телефону*). Ангелина Ивановна, не заснули еще?

Ангелина. Нет, еще нет!

Прасковья. Итак, кингстоны. Это никакие не королевские стоны. Это завинчивающиеся пробки на днище корабля. Их отворачивают, чтобы плавсредство затопить. Ну, например, такое было в Севастополе во время Крымской войны. Адмирал Ушаков затопил эскадру, чтобы англо-французский флот не смог войти в бухту Севастополя. Открыли кингстоны, и затонула эскадра. Брат так мне объяснил.

Ангелина. Спасибо, милая. Спокойной ночи, извините. Пригрезилось это странное слово. Зачем?

Прасковья. Ой, спокойной ночи! (*В сердцах бросает трубку.*)

В море.

Володенька, весь мокрый, выбегает на палубу.

Володенька. Воды на полкорпуса. Кингстоны уж не найти, ныряй не ныряй...

Маша. Умрем, обязательно умрем. Утонем.

Володенька. Маша, что ты наделала, Маша, в своем ли ты уме? Маша!

Маша. Через день-другой наши тела прибьет к берегу. Мокрые и холодные как лед, мы будем лежать, обнявшись, и люди будут рыдать над нашей любовью! У нас есть с тобой полчаса только...

Володенька. Какие еще полчаса, для чего полчаса?

Маша. Пойми, уже не имеет никакого значения, жена она тебе или не жена. Ничего перед смертью не стоит ваша супружеская верность, она ломаного гроша не стоит!

Володенька. Ты что такое говоришь, Маша! Там вода в трюм заливается!

Маша. Люблю я тебя, Володенька, люблю, больше жизни люблю, как увидела тебя тогда на пристани, сердечко мое застонало. Только о тебе все время и думала. Достаяю из сетки рыбу, а думаю о тебе, режу рыбу, а думаю о тебе, замораживаю рыбу, думаю о тебе!

Володенька. Сумасшедшая!

Маша. Так любят только сумасшедшие, или наоборот — когда влюбляются, такими сумасшедшими становятся! Не будем терять времени, мы далеко от берега, помощи ждать неоткуда! Так обними меня, родименький, милый мой, поцелуй, поцелуй, обними меня! Мой единственный.

Володенька. Маша!

Маша. Все, жизнь заканчивается. Последние минуты уходят! Так лучше любить, чем, дрожа от страха, ждать этой мокрой и холодной смерти! Не бойся ничего! Узнать она узнает. Да поздно уже будет. Будем лежать на прибрежной полосе, как два дельфина, выбросившихся на берег.

Она целует его, а он — ее.

Они бросаются в объятия друг друга.

В Петербурге.

Ангелина как ошпаренная вскакивает с кровати.

Ангелина. Я хочу танцевать. Я хочу танцевать. Я буду танцевать. Кингстоны! Немедленно открутить кингстоны! Музыка, где моя музыка? Я не могу спать! В такие ночи не спят! В такие ночи танцуют до потери сознания! Открыть кингстоны, затопить флот! Смерть французам! *(Бежит к аппарату, ставит пластинку, танцует.)*

В море.

Володя и Маша любят друг друга.

В Петербурге.

Входит сосед Павел Аркадьевич.

Павел Аркадьевич. Ангелина Ивановна, вы что, ополоумели? Без четверти четыре ночи, а вы балеты растанцовываете по ночам! Это я, ваш сосед снизу! Что за французы такие?.. Или вы про Колю Французова? Так он уж переехал два года назад на Миллионную!

Она не обращает внимания, танцует.

Павел Аркадьевич. Да уgomонитесь вы! Вы что, меня не слышите, можно хоть музыку поубавить-то? Не слышит. Мне завтра идти тещу хоронить. Ну не человеческую тещу, конечно. А моего кобеля жены мать. Мы собак наших четвертый год сводим! Кстати, они хоть и собаки, но по ночам не лают! Дают людям спать!

Ангелина танцует.

Павел Аркадьевич. Да посмотри, она не просто танцует, она еще и рыдает. Сейчас она мне своими слезами квартиру зальет!

Ангелина падает бездыханная на пол.

В море. Корабль тонет.

Володенька. Ой, вода какая холодная-ледяная!

Маша. Не бойся за меня, я на воде держаться умею, я все мо-

гу... и кролем, и брассом, и баттерфляем, бабочкой то есть! Меня отец рано научил, я только чуть- чуть за твою шею подержусь! Если ноги сведет!

Володенька. Перевернулся сейнер, все! Ай-я-яй! Пошел, пошел на дно! Камнем пошел!

Маша. Прощай, кораблик, мой кораблик, прощай, посуда непомытая!

В Петербурге.

Павел Аркадьевич (*подходит к Ангелине и, склонившись над ее телом, внимательно прощупывает пульс*). Пульса нет. Вымоталась. Издохла. Ну, хорошо, теперь тишина. Выплюсь наконец. Похорошела-то как. Говорила мне Зинаида Альбертовна, некоторые девушки после смерти только лучше становятся. А я не верил. Опыт приходит только с годами.

В море.

Володенька и Маша плывут по волнам в кромешной тьме. Волны бушуют.

Володенька. Плынешь еще?

Маша. Плыву.

Володенька. Держишься?

Маша. Ага. Держусь.

Володенька. Отремонтировал я двигатель. А зачем? Лежит теперь на дне морском. Кольца новые поршневые! По три двадцать рублей за штуку!

Маша. Ой-на! Я глотанула!

Володенька. Холодно, мама!

Маша. Ах, если бы сейчас было лето. До берега бы в легкую. И на горячий на песочек!

Володенька. Сейчас зи-зи-зи...

Маша. Что зи-зи-зи?

Володенька. Зи-ма сейчас!

Маша. А! А! А я счастлива! Если б ты только знал, как я счастлива!

Володенька. Что? Счастлива?

Маша. Д-д-д-д-д-д-а!

Володенька. Ой, глотанул!

Маша. Ска-сказать правду? Все равно умрем!

Володенька. Д-д-д-д-д-а!

Маша. Мне ни с-с-с-с кем не было так хорошо, как с тобой!
Любимый мой! Сладенький мой!

Володенька. Приятно, конечно, такое услышать. Перед смертью! Ой, ногу свело!

Маша. А тебе тоже?

Володенька. Что «мне тоже»?

Маша. Ни с кем не было так хорошо, как со мной? Ну, признайся!

Володенька. Ну, как сказать.

Маша. Говори! Ну! Не трусь. Сгинем все равно!

Володенька. Мне то-то-тоже!

Маша. Ха-ха! Слышишь ты, штучка петербургская! Со мной-то ему не так, как с тобой! Умирать теперича не страшно!

Володенька. Что ты околесицу-то несешь?

Маша. Ты лгал мне все эти две недели? Лгал мне и себе. И ей лгал. Скажи, что влюбился в меня! Влюбился! Ну?

Володенька. Ну, влюбился! Ни с кем не было так хорошо, как с тобой! Ни с кем, Маша, никогда!

Маша. Я красивая?

Володенька. Красивая!

Маша. Красивее этой?

Володенька. Да!

Маша. Ты догадывался, что со мной будет так хорошо!
Предчувствовал, да?

Володенька. Дога-га-гадывался.

Маша. И как только ты меня увидел тогда, в первый раз на пристани, ты сразу влюбился в меня по уши?

Володенька. Да!

Маша. С первого взгляда!

Володенька. Да!

Маша. И я ее умнее ведь, правда?

Володенька. Значительно, значительно ум-ум-ум-ум-ум- ум-ум-умнее.

Маша. И хоть ты не видел еще, а я-то лучше танцую, чем твоя балерина.

Володенька. Думаю, не увижу ни-ни-ког-да.

В Петербурге.

Лежащая на полу Ангелина делает рукой легкое движение, из которого нам становится понятно, что она все-таки жива.

В море.

Маша. И тебе тогда понравились мои руки в резиновых перчатках, а сверху чешуя?

Володенька. Да.

Маша. И твои глаза, и твоя улыбка. Извини. И мои глаза, и моя улыбка. И ты тоже улыбнулся мне в ответ, помнишь?

Володенька. Да!

Маша. Скажи, почему мы должны оба умереть, чтобы осознать очевидную истину, что мы любим друг друга?

Володенька. Я не знаю. Все. Больше не могу. Прощай!

Маша. погоди!

Володенька. Я знаю только одно! Скоро нас будут есть рыбы. Колючими мускулистыми ртами.

Маша. Я ни о чем не жалею.

Володенька. Кожа вся болит! Немеет!

Маша. Стоило, стоило жить ради этих нескольких минут волшебных мгновений! Пусть коротким было счастье с тобой, но настоящим! Стоило ради этих мгновений жить и стоит ради них умереть.

Володенька. Умирать страшно. Страшно, Маша!

Маша. Вот что такое настоящая любовь! Вы забыли о том, что такое настоящая любовь, в ваших душных столичных комнатах, только за секунду до смерти человек

способен понять, что есть такое настоящая любовь!

Володенька. А! О-о-о! А!

Маша. Ты как знаешь, а я не утону! Я не могу! Я права такого не имею! У меня во чреве наш ребеночек!

В Петербурге.

Ангелина (*придя в сознание*). Пожалуй, это было мое лучшее выступление за двадцать лет. Павел Аркадьевич, вы расскажите людям, как я танцевала. Ах, он уже ушел!

В море.

Володенька. Ребенок? Наш ребенок?

Маша. Давай поженимся!

Володенька. Поженимся? В воде? В море?

Маша. Давай поженимся прямо здесь и сейчас.

Володенька. Официально поженимся?

Маша. Да, распишемся.

Володенька. Чем распишемся? Ни бумаги, ни чернил нету. Ни дворца бракосочетания!

Маша. Какая разница. Давай распишемся морем, давай распишемся небом, давай распишемся ветром!

Володенька. А как же свидетели?

Маша. Звезды будут нашими свидетелями!

Володенька. Я женат, Машенька.

Маша. Это мне все равно.

Володенька. Для начала надо было бы развестись. Сердце остывает!

Маша. Скажи, а если мы останемся в живых, если я тебе рожу сына или дочь, разведешься, женишься?

Володенька. Мы умрем.

Маша. Ну, а если?

Володенька. Это невозможно.

Маша. Ну, а если?

Володенька. Ну, я не знаю.

Маша. Вот такие вы все, все одинаковые. Поматросил и бросил. А мне показалось, что ты не такой, что у тебя есть

чувство долга, чувство стыда, что ты порядочный.

Володенька. Ну, хорошо, я женюсь и буду вос-вос-вос- питывать ребенка.

Маша. У нас их будет семеро.

Володенька. Семеро! Десятеро! Сто сорок четыре! Десять тысяч восемьсот шестьдесят девять!

Маша. А ты хорошо подумал-то?

Володенька. Ну да.

Маша. Тогда повторяй текст клятвы за мной.

Володенька. Не мо-гу го-го-го... говорить не-не-не...

Маша. Если я, Владимир такой-то, извини, я фамилии не знаю...

Володенька. Если я, Владимир Сабинянинов...

Маша. Спасусь из пучины морской...

Володенька. Спа-спа-су... спа-па-сусь из пучины морской...

Маша. Тогда я брошу свою жену.

Володенька. Не д-д-д-души ты меня своими клятвами, мне и так дышать-то нечем!

Маша. Тогда я брошу свою жену.

Володенька. Тогд-д-д-д-а я брошу.

Маша. И женюсь на Марии Дробиковой.

Володенька. Же... на Ма... Дробико-ко-ко...

Маша. Полностью повторяй.

Володенька. И женюсь на Марии Дробиковой. Я тону. Прощай. Мама!

Маша. погоди ты. *(Вытаскивает его за волосы.)* И буду жить с Машей счастливо до самой старости, воспитывая многочисленных детей, а потом внуков и правнуков.

Володенька. До старости внуков и правнуков.

Маша. Нет, полностью, добуквенно повторяй текст клятвы, и чтобы каждая буква была с красной строки!

Володенька. И буду жить с ней до самой старости, воспитывая многочисленных детей и внуков. Прощай. *(Уходит камнем на дно.)*

Маша *(достает его из глубины за волосы).* погоди! Скажи, любишь?

Володенька. Лю!

Маша. Нет, ты скажи, что любишь!

Володенька. Лю-лю!

Маша. Никакое не «ля-ля» и не «лю-лю». Скажи: люблю!

Володенька. Люблю!

Маша. Дельфины, Володенька, дельфины!

Сцена третья

Океанский лайнер «Элегия» идет по морю. На палубе Володенька и молодой матрос Семен Камов.

Семен. Легко ли сказать, Владимир Харитонович! Оставить дома семерых детей и отойти в плавание! Да еще вокруг континента!

Володенька. А что сделаешь, мотористам в порту таких денег не платят, а кормить семью надо.

Семен. Скучаете, поди-ка, по детишкам?

Володенька. Скучаю, ужасно скучаю, Сеня, ой, на сердце неспокойно. Анфиса, старшенькая, сыпью пошла, когда наш корабль от пристани отходил. То ли ветрянка, то ли не ветрянка. А по младшенькой, по Сонечке, скучаю более всего. Такая потешная, на меня похожа как две капли воды.

Семен. А каково это, Владимир Харитонович, иметь такую большую семью из семи девочек? Я бы, к примеру, никогда не решился.

Володенька. Молодой ты еще, Камов, дурак... Я тоже раньше так думал, а сейчас только понимаю, какое это счастье. Женись обязательно! И рожайте, сколько сможете. Не останавливайтесь!

Семен. А Палыч вас называет бракоделом, что ни одного пацана.

Володенька. Девочки, наоборот, такая прелесть, это почувствовать надо! Девочки даже лучше. *(Достает мобильный, показывает фото дочерей)*. Сонечка, младшенькая, цветочек мой нежный, Маринка солнышко мое рыжее, Танюра, ангел души моей, сказочница. Мар-

гушка... бутончик мой кареглазый, самая ласковая, Ксения- волшебница снов, Лизка-вертихвостка, балаганщица. А Это Анфиска! Старшая! Защитница всех остальных. Характер у девочки, как у полководца! В обиду сестер де даст. Пока я в плавании она им и за отца, и за старшего брата. Тощая, но дико мускулистая! Я как вспомню про детенышей, девочек моих, из глаз слезы на палубу бегут ручьями! Скорее бы вернуться, соскучился я, сил нет. Только вот... что заработаем мы в этом месяце?!

Семен. Порожняком идем. Сегодня ночью Стокгольм.

Володенька. Легко сказать, пассажирское судно. А на судне-то всего один пассажир!

Семен. Ка!

Володенька. Что «ка»?

Семен. Пассажир-ка.

Володенька. Ты ее видел?

Семен. Мельком. Зашла в каюту и закрыла себя железной дверью. В Стокгольме обещали двенадцать пассажиров.

Володенька. Не сезон, Семен, не сезон! Холодно, слишком холодно для туризма.

Семен. Пойду посплю.

Володенька. Ладно, иди! А я постою подышу. Наглотался гари в машинном.

Семен. Дышите, Владимир Харитонович. *(Уходит.)*

На палубу выходит женщина. Вся в лиловом. Лицо закрыто вуалью.

Володенька. Добрый день.

Она. Смеркается уже.

Володенька. Свежо, прекрасная погода.

Она. Холод смертельный.

Володенька. Скоро Стокгольм, сойдете?

Она. Нет.

Володенька. Будете смотреть на кирхи с верхней палубы?

Она. Нет.

Володенька. А что же тогда остается?

Она. Ничего не остается.

Володенька. К-хма.

Тишина. Мимо пролетает чайка.

Команда жалуется, что вы взаперти живете, даже обед вам в каюту носят.

Тишина. Вторая чайка пролетает мимо.

Что же это за путешествие такое взаперти? Вы посмотрите, какая красота вокруг!

Она. Самое главное путешествие не там и не это. Главное путешествие человек совершает в своей жизни от разума к сердцу и от сердца к разуму.

Володенька. Откуда вам известны эти слова?

Она. А что это за слова особенные такие, что они не должны быть никому известны?

Володенька. Мне моя матушка так говорила, это был ее любимый афоризм. Кажется, из Альфреда Меске.

Она. Мария Михайловна? Неужели она читала самого Меске?

Володенька. Вам известно имя моей матушки?

Она. И ваше имя тоже, Владимир Харитонович. А также то, что в Петербурге вы однажды шли через Аничков мост, споткнулись и головой ударились о чугунные перила. И вы с тех пор стали зимой наклеивать на подошвы своих ботинок наждачную бумагу. Крупную, зернистую наждачную бумагу. Не на бумажной основе, а на тканевой, чтобы она не развалилась от ходьбы. Нога-то у вас тяжелая. И поэтому вы носите ботинки на толстой подошве!

Володенька. Откуда же вам известны такие подробности из моей жизни, вплоть до подошвы?!

Она. И еще известно мне, что вы оставили в городе на Неве свою жену. И завели другую.

Володенька. Покажите мне свое лицо. Мне ваш голос кажется знакомым.

Дама приподнимает вуаль.

Ангелина Ивановна?

Ангелина. Да. Это я, Володенька, любимый мой, законный муж мой, душа моя, Володенька!

Володенька. Что ты делаешь здесь, на корабле?

Ангелина. То же самое, что и все! Иду вокруг Европы — из Петербурга в Одессу.

Володенька. Я не верю, что это совпадение.

Ангелина. Конечно, не совпадение, сладенький. Я путешествую не просто так, но по твою душу.

Володенька. Что это значит «по мою душу»?

Ангелина. Это значит, сто лет, как мы расстались, но я не смирилась. Я не давала тебе развода. Все эти твои отпрыски девичьего рода незаконны!

Володенька. Что значит «незаконны»?

Ангелина. Я твоя законная жена! Их быть на белом свете не должно!

Володенька. Но они уже есть!

Ангелина. Они незаконны! С точки зрения всех мировых монотеистических религий! Я тебе развода не давала!

Володенька. А что же тогда законно?

Ангелина. То, что я люблю тебя.

Володенька. Прошное — это не больше чем иллюзия, у людей нет прошлого, у них есть только будущее!

Ангелина. У тебя нет ни прошлого, ни будущего! Судно, на котором мы идем вокруг Европы, медленно идет ко дну. Я открыла кингстоны!

Володенька. Ты серьезно или шутишь?

Ангелина. Чем задавать глупые вопросы, не лучше было бы спуститься в трюм!

Володенька *(вдруг)*. Kripo astartes wiwa mores wiwendo! *(Исчезает в машинном отделении.)*

Ангелина. Действительно, очень красивые места. В таких красивых местах умирать не страшно.

Володенька возвращается мокрый и напуганный.

Володенька. Что ты натворила! «Элегия» всего три года тому

назад сошла со стапелей!

Ангелина. Боже мой, какое несчастье! Обыкновенный кусок железа! А когда я шла ко дну, ты меня пожалел?

Володенька. Извини, но мне надо спасти команду!

Ангелина. Я вам прошлой ночью все лодки продырявила. Милый мой, дорогой Володенька! Искромсала ножницами все спасательные плоты и жилеты. Мы все утонем в этом красивом холодном море! Нам не уцелеть, любимый!

Володенька. Зачем, Ангелина, это безумие!

Ангелина. Поперву я хотела тебя отдать, но так решила, что никому никогда не отдам. Это твердое решение, я столько лет размышляла! Ты не вернешься в эту проклятую семейку.

Володенька. Но у меня есть дети, они любят меня!

Ангелина. Я жалею о том, что на судне нет ни твоих детей, ни их никудышной матери. Вот была бы радость!

Володенька. Ты никогда не была такой жестокой!

Ангелина. Ты сделал меня жестокой, моя черствость не более чем результат твоего предательства. Я ведь никогда не была злой, правда?

Володенька. Да, ты всегда была добра к людям.

Ангелина. А теперь я другая и в этом нисколько не виновата, Володенька. Помнишь, когда мы были молодые, мы мечтали, что умрем в один день и, может, даже в одну минуту. Сбылось!

Володенька (кричит). Свистать всех наверх! Вода в машинном отделении! Я хотел бы более теплой смерти... как тебе сказать, ну, более комфортной, что ли.

Ангелина. Экономь калории. Не бегай как угорелый по палубе! Силы нам еще пригодятся!

Море.

Ангелина и Владимир плывут в ледяной воде.

Володенька. Давай теперь по-лягушачьи. Разводишь ножки и резко под себя!

Ангелина. Я только по-собачьи! Лапами!

Володенька. Давай так! Волна невысокая!

Ангелина. Слышишь?

Володенька. Что?

Ангелина. Удар такой глухой!

Володенька. «Элегия» ударилась о дно. А где же ребята?

Ангелина. Все утонули!

Володенька. А мы отчего не тонем?

Ангелина. Мы не виделись с тобой столько лет. Нам нужно успеть о многом поговорить с тобой, Володенька, вот мы и не тонем.

Володенька. О чем, о чем нам разговаривать, Ангелина Ивановна! Простимся и давай камнем на дно.

Ангелина. Ты думал обо мне, вспоминал?

Володенька. Иногда. Думал.

Ангелина. И я о тебе. Часто!

Володенька. Вот и славно. Бр-р-р!

Ангелина. Мне было так горько, что казалось, сойду с ума. И не сошла ведь с ума. Я сильная! На самом краю удержалась! Мы скоро умрем. Лгать никакого смысла нет, жизнь кончается. Ска-скажи!

Володенька. Про что ска-ска-зять?

Ангелина. Ты по-прежнему любишь меня?

Володенька. Да, я люблю тебя, и любил всю жизнь только тебя, Ангелина, но увы! Обстоятельства выше!

Ангелина. Ты любил меня одну и только меня одну всю жизнь?!

Володенька. Да, конечно!

Ангелина. Только у меня одной такое восприятие жизни, музыки и эстетики.

Володенька. Только у тебя.

Ангелина. И эротики.

Володенька. Несомненно.

Ангелина. Эта рыбачка, она же простая, она не такая!

Володенька. Разумеется, обыкновенная женщина.

Ангелина. И у нее нет таких... и никогда не было таких рук, такой талии, таких линий, как у меня!

Володенька. Откуда им взяться, откуда?

Ангелина. И она наверняка не читала Гуссерля и Эдмонда Шарпо? И никогда не была за сценой! А Жизель! Она не танцевала Жизель.

Володенька. Ни-ког-да!

Ангелина. Ведь это благодаря мне ты стал по-другому ощущать жизнь, ведь правда?

Володенька. Это конечно.

Ангелина. Скоро мы умрем. Сладенький! Тебе совершенно нечего скрывать от меня, скажи, ведь по-настоящему ты был счастлив только со мной?

Володенька. Что?

Ангелина. Скажи, был счастлив со мной... только?

Володенька. Да, моя любимая, только с тобой.

Ангелина. Ты любовался каждым моим движением? И на сцене, и в повседневной жизни. Не так ли?

Володенька. Каждым!

Ангелина. А кто так заваривал для тебя чай с калиной и кто кутал тебя в теплый плед, когда ты с ангиной... помнишь?

Володенька. Помню!

Ангелина. А как я учила тебя фуэте... Смешно было, да? Чувственно?

Володенька. Было смешно, было чу!.. Чу-чу!.. Было!

Ангелина. Любишь меня?

Володенька. Лю!..

Ангелина. Скажи, что всегда будешь любить меня одну, только меня одну.

Володенька. Что толку говорить... мы уми-уми-уми-раем... Разве не-н-не по-по-по?..

Ангелина. Может, это мы друг в друге тонем, а не в холодном море?

Володенька. Нет, в море!

Ангелина. Я верю в жизнь после смерти, я хочу, чтобы на небесах моя душа была вместе с твоей. Пусть будет так! Ты же не против?

Володенька. Не-а.

Ангелина. Будешь любить меня одну, всегда, всю вечность!

Володенька. Буду!

Ангелина. Нет, ты дословно это скажи.

Володенька. И я буду любить тебя всю вечность, там, на небесах!

Ангелина. Наша любовь будет светиться в вечности!

Володенька. Будет в ве-ве-чности!

Ангелина. Ты мой навеки! Повторяй!

Володенька. Я твой навеки!

Ангелина. И если мы чудесным образом спасемся, я никогда тебя не брошу!

Володенька. И если мы чудесным образом спасемся, я тебя никогда не брошу.

Ангелина. Скажи, что любишь.

Володенька. Лю-лю!

Ангелина. Да не «лю-лю» и не «ля-ля». А «люблю»!

Володенька. Люблю!

Ангелина. Вертолет! Я вижу вертолет! Геликоптер!

Сцена четвертая

Петербургская квартира Ангелины.

Прасковья. Вам чаю, Ангелина Ивановна? Чай или какао?

Ангелина. Полуторакилограммовые гантели.

Прасковья несет женские гантели.

(Тренирует мышцы спины.) Ты мне приснилась сегодня.

Прасковья. В каком виде, Ангелина Ивановна?

Ангелина. Будто падают огромные снежные хлопья, а ты укуталась в мое пуховое одеяло и идешь по пустынному Невскому проспекту. Хлопья соленые, а край одеяла уже черный.

Прасковья. Не брала я вашего одеяла, у меня пальто новое, на щенячьем меху.

Ангелина. Я проснулась и думаю-раздумываю битый час... а что бы это значило, что ты волозишь мое одеяло через

грязь?

Прасковья. Не знаю, Ангелина Ивановна. Я сонники не читаю.

Ангелина. Довольно мне в таком виде сниться, Прасковья, я, по-моему, этого не заслужила!

Прасковья. Поверьте, Ангелина Ивановна, из уважения к вашему таланту я сделаю все, что в моих силах, чтобы не сниться вам более.

Ангелина. Уж постарайся, миленькая, а то, как приснишься мне, я полдня лежу под впечатленьем бездыханная и двинуться не могу.

Прасковья. Вот вам крест, Ангелина Ивановна, больше не стану! Если я вам приснюсь, Ангелина Ивановна, возьмите ружье и убейте меня!

Ангелина. Ступай.

Прасковья уходит. Ангелина переходит к балету.

Прасковья! Прасковья! Прасковья!

Прасковья (возвращается). Ну что вы кричите, как на пожаре. *(Про себя.)* Нет ничего страшнее, чем балерина на пенсии.

Ангелина. Что там Володенька? Спит?

Прасковья. Спит.

Ангелина. Ну, пусть себе спит.

Прасковья уходит.

Прасковья!

Прасковья (входя). Вот она я, Ангелина Ивановна.

Ангелина. Скажи, я давно хотела тебя спросить и все не решалась. Почему Владимир Харитонович кушает рыбу с одной только стороны и не переворачивает?

Прасковья. Ну, как вам сказать? Переворачивает, бывает.

Ангелина. Это когда переворачивает? Я не видела!

Прасковья. Это когда вы отворачиваетесь.

Ангелина. А зачем?

Прасковья. А затем что на обратной стороне рыбы письмо имеется. Он его читает.

Ангелина. Какое еще письмо?!

Прасковья. А вот так! Письмо-с!

Ангелина. Прямо на рыбе?

Прасковья. Гвоздем на чешуе!

Ангелина. От нее?

Прасковья. От нее, от разлучницы.

Ангелина. А что же она там пишет?

Прасковья. Откуда же я знаю? Он сначала читает. А потом, не переворачивая, съедает. Через кости вилкой выковыривает. А иногда переворачивает и читает без выковыривания, если, скажем, вы в дрему надолго упадете.

Ангелина. Камбалу и вообще черноморскую рыбу больше на рынке не покупай.

Прасковья. Не буду, Ангелина Ивановна.

Ангелина. Семужку норвежскую покупай, треску эстонскую, рыбу бери балтийскую!

Прасковья. Хорошо, как скажете.

Ангелина. А что там такая за маленькая рыбочка лежала на его тарелке рядом с большой?

Прасковья. А это его младшенькая, Сонечка, ей пять всего-то отроду, письмо папочке присылает на килечке.

Ангелина. И что же девочка пишет?

Прасковья. Откуда я знаю-то! Владимир Харитонович каждую рыбку до костей обгладывает.

Ангелина. Не будет больше рыбы в Черном море, я ее всю переведу. Вылью банку ртути!

Прасковья. Это-то зачем?

Ангелина. Не будет рыбы, и рыбачек не станет. Иди, ступай!

Прасковья (*про себя*). Нет ничего страшнее, чем женская жестокость! Как преодолеть ее, как выйти к свету?
(*Уходит.*)

Ангелина (*делает па*). Было, было время золотое. Публика меня облизывала.

Входит Володенька.

Володенька. Доброе утро, милая.

Ангелина. Здравствуй, возлюбленный мой Владимир Харитонович!

Володенька. Что делаешь, опять балеты сочиняешь?

Ангелина. Да-с.

Володенька. Ну что, сочинила чего-нибудь?

Ангелина. С утра маленький балетик минут на десять. **Володенька.** О чем? Опять о римских сивиллах?

Ангелина. Нет, о Нероне.

Володенька. Далекое от жизни ваше искусство.

Ангелина. А как бы я жила, если бы не сочиняла балеты?

Смотреть из окна на эту жуть? Как едет поливальная машина и пьяный шофер сносит газон? Как миллионы петербуржцев, потомков великого Достоевского бегут по кинотеатрам наблюдать за проделками саблезубых енотов и гигантских обезьян-пришельцев? Как рекламные щиты загораживают от нас фасады дворцов и галерей? Нет уж, уволь на милость. Мир медленно глохнет и выцветает. Краски остаются только в балете. Но и балет выцветает вместе с линялым миром!

Володенька. Дай посмотреть партитурку-то.

Ангелина. Что ты понимаешь в балетных партиях? Тем более на бумаге?

Володенька. Понимаю. Не волнуйся. Полжизни за балериной, уж умею отличить деми-плие от батман-тандю!

Ангелина (*дает Володеньке рисованную партитуру*). Брак-то у нас в двух актах получился, с огромным многолетним антрактом посредине.

Володенька. А на какую музыку балетик-с?

Ангелина. На Пятую Шпенглера. То есть Малера.

Володенька (*рассматривая*). Недурно, недурно.

Ангелина. Но я его еще до конца не дорисовала.

Володенька. Ну, все равно. Напомни мелодию...

Ангелина (*напоминает*). Па-па-па, па-па-па!

Володенька (*читает про себя и чуточку вслух, напевая Малера и перебирая ногами вслед за нарисованными фигура-*

ми). Па-де-буре, па-де-грас. Пам-пам. О! Деми-плие! О, батман-тандю. Как ты талантлива! Боже, ну как же ты талантлива! Бесстыже, бессовестно талантлива!

Ангелина. Я талантлива. Совершенно верно. А ты расскажи лучше, как детки твои в Анапе поживают?

Володенька. Понятия не имею, не интересуюсь.

Ангелина. Что ж они, не звонят тебе?

Володенька. Нет.

Ангелина. И писем они тебе не пишут?

Володенька. Нисколько, никогда, ни одного! Для чего это мне?

Ангелина. Не юродствуй, лжец! Мне все известно! Ты рыбу за обедом читаешь!!!

Володенька. Как это возможно читать рыбу?

Ангелина. А вот так!

Володенька. Дети пишут отцу. Что здесь особенного? Это у нас игра такая.

Ангелина. А с мамочкой ихней ты в какие игры играешь? **Во-**

лоденька. Ангелина, хватит мучить меня и себя. Что было, то было! Да, у нас был антракт, но прошлое не переделаешь!

Ангелина. И что же девочка написала тебе в письме?

Володенька. Анфиска-то?

Ангелина. Ну да. Анфиса!

Володенька. Жуть пишет какую-то. Записалась в тир. Учится стрелять из пистолета.

Ангелина. Сколько ей?

Володенька. Пятнадцать.

Ангелина. Зачем это пятнадцатилетней особе учиться стрелять из пистолета?

Володенька. Хочет вызвать тебя на дуэль и пристрелить!

Ангелина. Разве женщины из-за мужчин на дуэлях стреляются?

Володенька. Ну, если они носят мужские штаны, почему бы им не перенять и другие привычки. Мир катится в тар-тарары! Это все знают и делают вид, что ничего страшного не происходит! Он не только вылинял. Его кто-то вывернул наизнанку!

Звонят в дверь.

Ангелина. Кого еще принесло!

Входит Прасковья.

Прасковья. Соседа снизу, Павла Аркадьевича. У него событие.

Ангелина. Что за событие?

Прасковья. Он щенков прикупил, выводок.

Ангелина. А нам то что?

Прасковья. Не понимаю пока.

Ангелина. Пусть войдет.

Павел Аркадьевич. Ангелина Ивановна, мы двух щенков с женой прикупили, решили назвать одного Деми, другого...Плие. Это красиво и возвышенно, а главное неизбито, я хотел узнать, не обидится ли на меня балетный мир, если я назову их фигурами из балета... «деми» и «плие». Кабелька, мальчика Деми, а девочку, сучечку... Плие. Не правда ли мило?

Ангелина. Не для того классический танец создавался, чтобы звучать на собачьей площадке. Обидится, смертельно обидится, на вас балетный мир, Павел Аркадьевич.

Павел Аркадьевич. Или, к примеру, кобеля Батман, девочку Тандю. Батман к ноге. Тандю- фас!

Ангелина. Я убью вас Павел Аркадьевич.

Павел Аркадьевич. Из за угла?

Ангелина. Нет эстетски, вызову на дуэль и пристрелю.

Павел Аркадьевич. В 21 веке дуэль, это немыслимо.

Ангелина. В этом чокнутом, перевернутом мире мыслимо абсолютно все! А я слышала, что у молодежи входит в моду.

Павел Аркадьевич. Какая жестокость, меня? За что?

Ангелина. Вызову на дуэль и пристрелю, как собаку! И псов, щенят ваших не пожалею. На классический балет че-

ловечество понадобилось два миллиона лет эволюции, а вы хотите это великое искусство опошлить, осабачить, превратить в тупой, простецкий анекдот!?

Павел Аркадьевич. Вам за это прилетит, за жестокое обращение с животными, себя то мне не жаль, на себя я давно рукой махнул, а вот то, что вы щенков перестреляете! Прилетит вам за это, прилетит, вот увидите!

Ангелина. Они еще живы, пока что, нечему еще прилетать.

Павел Аркадьевич. Не важно, сама по себе мысль кощунственна, погубить щенка! Он же по сути дела малое дитя!

Прасковья уходит, возвращается.

Прасковья. Ангелина Ивановна, там в прихожей какая-то женщина. Вся в черном, с лакированным ящиком в руках. Просит принять.

Ангелина. Проси, пусть войдет.

Прасковья. Я забыла сказать, с ними маленькая девочка лет пятнадцати.

Ангелина. Всех запускай.

Входит Маша с девочкой.

Маша. Здравствуйте, Ангелина Ивановна.

Ангелина. Здравствуйте.

Павел Аркадьевич. Здравсьте.

Володенька. Здравствуй, Маша.

Ангелина. Здравствуй, отец моих детей.

Володенька. Анфиса! Доченька!

Анфиса. Папа! Паpusик!

Маша. Я приехала расквитаться с вами за раны, нанесенные моей душе и моему сердцу. Будем стреляться в десяти шагах. Сейчас же. Это Анфиска, моя дочка, старшенькая, она будет секундantom. Я вас убью.

Павел Аркадьевич. Вот оно. Прилетело! Закон воздаяния, машина кармы, я же говорил!

Ангелина. Пятнадцать, а выглядишь на все семнадцать. Аксе-

лерация.

Анфиса. Ну, это к делу не относится. Давайте кидать жребий!
Стреляться будете в десяти шагах!

Володенька. Маша, ну ей-богу, можно на словах обо всем договориться.

Маша. Мы тысячу лет ни о чем договориться не можем!

Анфиса. Папа, это страшный грех жить так, как ты живешь.

Володенька. А что я могу поделаться, доченька?!

Маша. Назначьте секунданта с вашей стороны, подлюбезная Ангелина Ивановна.

Ангелина. Вы думаете, я струшу? Прасковья, будешь моим секундantom!

Прасковья. На старости лет в дуэлянтки? Увольте, Ангелина Ивановна!

Павел Аркадьевич. Я буду секундantom! По соседски, давайте забудем наши распри, все -таки мы люди.

Ангелина. Не будете... ваша юдоль... собачьи бои, там и резвитесь.

Ангелина. Довольно пререкаться, Прасковья! Принеси мне перчатки и очки бархатом протри!

Прасковья уходит.

Володенька. Девочки, не надо, я вас умоляю!

Павел Аркадьевич. Как не надо, надо, это закон воздаяния, машина кармы должна сработать, тот, кто желает смерти щенкам, не должен жить на голубой планете.

Анфиса (*открывает черный ящик*). «Смит-Вессон» тысяча девятьсот пятьдесят шестого года. Семизарядный, в барабане одна пуля. «Вальтер» образца тысяча девятьсот сорок второго года. Пружинно-перекрестный механизм с прицельной планкой поверх.

Входит Прасковья, протирая бархатом очки.

Прасковья. Соплипенькая еще, а как хорошо в пистолетах разбирается!

Анфиса. Никакая я вам не соплипенькая, это я в поезде простудилась, забыла окно закрыть. «Вальтер» трофей-

ный. Рельсу насквозь пробивает. У дырки края ровные, идеальные, как циркулем нарисовали. Сама испытывала. *(Закрывает ящик.)*

Ангелина *(надевая перчатки и очки)*. А у девочки очень хорошая спина, из нее получилась бы балеринка, и ножки стройные, пряменькие... А ну-ка сделай вот так ручкой.

Анфиса. Отстаньте, я вас умоляю!

Ангелина. Ну, сделай вот так вот ручкой.

Маша. Дочка, сделай ручкой, как тебя тетя просит.

Анфиса. Хорошо. Будем считать, что это ее последнее желание. Перед смертью. *(Делает ручкой и ножкой.)*

Ангелина. А носочки теперь раздвинь.

Маша. Сделай, доча, пусть подавится! Может, еще что путевого скажет.

Ангелина. Ты смотри, и выворотность хорошая. *(Хлопает в ладоши, дает сложный ритм.)* Повтори за мной.

Ангелина. Я не буду так делать, мама.

Маша. Пусть на прощание поблажит немного.

Анфиса повторяет ритм ладошками.

Ангелина. У девочки прекрасный слух и все данные. Ей надо танцевать.

Анфиса. Благодарю!

Павел Аркадьевич. К барьеру!

Маша. К барьеру!

Анфиса. Я вот что вам скажу, народная артистка СССР Ангелина Ивановна Переходцева! Нас семеро дочерей у Владимира Харитоновича!

Ангелина. Ну и?

Анфиса. Если вы застрелите мою мать, вас на дуэль вызову я, если я погибну, к барьеру выйдет Лиза, ей четырнадцать, если вы убьете Лизу, вас вызовет Ксения, ей тринадцать, если вы убьете Ксению, вас позовет к барьеру Маргарита, ей двенадцать! Если вы убьете Маргариту, перчатку бросит Таня, ей одиннадцать, если вы уколошите Танюру, вас вызовет Маринка, ей

всего восемь, если вы убьете Маринку, вас вызовет на дуэль Сонечка. Ей всего пять лет от роду, это она папе письма на кильке писала! Но она дюже меткая! Точно вас завалит! Даю вам честное слово! И еще я вот что хочу сказать! У нас у всех преотличнейшая выворотность, и прекрасный музыкальный слух, и ножки стройненькие, и, наверное, все мы могли бы танцевать в Большом. Это дела не меняет, вы все равно будете расстреляны, многоуважаемая народная артистка. Кто-нибудь из девочек вас обязательно уколошит! Как бешеную собаку пристрелит, ваше хореографическое высочество!

Ангелина. О ужас! Какие дети стали злые! Насмотрелись кино про гигантских саблезубых енотов!

Анфиса. Что вы о нас, детях, и о нашей безотцовщине понимаете?

Ангелина. Не зря говорят: за счастье надо сражаться! Так вот, девочка, я так люблю твоего папу, и... несмотря на то что у всех у вас отличные руки, стройные ножки, прекрасная выворотность и абсолютный музыкальный слух, я всех вас к чертовой матери перестреляю, как диких кошек перестреляю! К барьеру!

Анфиса. Мама, садани ее с первого выстрела. Прямо в самый центр ее тела! Пулечкой!

Прасковья. Ну и девочка! Железная!

Павел Аркадьевич. Атаман Платов!

Анфиса. Меня в ледяной воде зачали!

Маша. Не волнуйся, доча, разлучница даже ойкнуть не успеет.

Ангелина. Это кто из нас разлучница?!

Маша. А кто «Элегию» потопил!

Анфиса. К барьеру!

Женщины подходят к барьеру целятся.

Павел Аркадьевич. Я здесь был, я видел это! Боже какая грация! Ангелина Ивановна! Какая спина, какие плечи! Какая гениальная статуарность в вашем невероятном, художест-

венном теле! Какие руки! Только ради этого стоило жить, чтобы увидеть вашу грацию, вашу ярость! Это пиршество, это эстетство! И то, как вы метитесь... и вся ваша вытяжка и позиция стоят трех «Корсаров» и четырех «Жизелей»!

Анфиса. Мама, ну что же ты тянешь, стреляй первой, вали разлучницу!

Павел Аркадьевич. Стреляющий первым, имеет преимущество.

Анфиса. Мама пробей ее черное сердце, лупи!

Павел Аркадьевич. Вы бесподобны, Ангелина Ивановна, но затягивать не стоит, стреляйте!

Володенька подбегает к ней, хватает пистолеты и приставляет оба ствола к виску. Падает на колени.

Володенька. Не надо из-за меня стреляться, я сам из-за себя застрелюсь! *(Нажимает на курки.)*

Раздаются синхронно два выстрела. Володенька падает. К нему бросаются женщины.

Ангелина. Что же ты наделал, Володенька!

Маша. Белый, как бумага!

Анфиса. Папа, зачем ты такое наделал!

Ангелина. Прасковья, косметичку! Пудреницу доставай.

Павел Андреевич. Вова, ты чево наделал, соседа родимая! С кем я на лестничной клетке курить буду? Крови вроде нет, ни капли.

Маша. Эта злющая ведьма из него всю кровь выпила!

Анфиса. В голове дырки нет, не вижу!

Ангелина. Зеркальце запотело, дышит!

Анфиса. Стрелял из двух пистолетов в упор, с расстояния ноль шагов, и промахнулся! Да, папа, стрелок из тебя, конечно...

Маша. Сознание потерял!

Прасковья. Оглушил сам себя, оглушил!

Ангелина. Замолчи, Прасковья! Глаза открыл.

Маша. Живой, слава богу, живой!

Володенька *(медленно поднимается)*. Я долго размышлял над тем, как сделать так, чтобы моторы не ломались. Вот

земля крутится вокруг своей оси и другие космические планеты тоже... без топлива, надеюсь, понимаете, что они не сами по себе вращаются. Я давно уже догадался, что двигатели и машины должны работать на силе притяжения земли, на гравитации! Тогда они и ломаться не станут! У меня много мыслей накопилось, я всю жизнь записывал. Отпустите меня. Поеду в Ставрополь, устроюсь работать на аэродром, меня авиационные турбины давно заинтересовали. Или, к примеру, самолет садится, выпускает шасси, а колеса у него не крутятся, и при прикосновении много резины стирается. А мы разгоним колеса в воздухе силой встречного ветра, наварим лопасти! И тогда резина не сотрется, мы миллионы колес спасем, сделаем экономию для авиации. А в свободное время буду создавать бестопливные двигатели! В космосе много бесплатной энергии! Ее только нужно уметь использовать.

Маша. А как же наши дети?

Володенька. Отпустите меня на волю, девочки. Иначе я из окна брошусь. Это голова маленькая, в нее попасть сложно, зато окно большое, я не промахнусь.

Маша. Будь по-твоему, свободен, как ветер на волне! Разобьешься, потом за тебя отвечать.

Ангелина. Прасковья, позвони на железную дорогу, узнай, когда первый поезд в Ставрополь.

Сцена пятая

Ночь. Зима. Пляж на Финском заливе. Ангелина идет к берегу в красной резиновой шапочке и шубе. Рядом с ней Прасковья с полотенцем на руке.

Прасковья. Куда же вы, опять к морю?

Ангелина. Пойду искупаюсь.

Прасковья. Опять вы за свое, Ангелина Ивановна. Зима на дворе, ночь. Вода ледяная.

Ангелина. А у меня кровь горячее, я своею кровью море- то и согрею.

Прасковья. Ангелиночка Ивановна, я же вас знала ребеночком, была у вас аккомпаниатором, а вы у балетной жердочки стояли такая худенькая, щупленькая, такая прекрасная. Могла ли я подумать тогда, что ваша жизнь превратится в купание в стылой воде.

Ангелина. Мне нравятся зимние пляжи. Ступай в номер.

Прасковья. Вокруг ни души. А если ж вы тонуть начнете, некому «караул» закричать будет!

Ангелина. Ступайте в номер. Вы мне все впечатление портите от ночного купания, я хочу быть в море одна.

Прасковья. Доморжуетесь вы, Ангелина Ивановна, доморжуетесь! Вот схватите бруцеллез! Каждую ночь на пляж. У вас вон пар изо рта. Забирайте полотенце, я пошла греться под одеяло. *(Уходит.)*

Ангелина Ивановна идет по пустынному пляжу. Чу! Вдалеке появляется одинокая женская фигурка. Да, да! Навстречу Ангелине идет красивая женщина. Мы узнаем в ней Машеньку. Она тоже в шубе на голое тело, через плечо полотенце, на голове красная резиновая шапочка для плавания. Невозможное совпадение обстоятельств!

Маша. Здравствуйте, Ангелина Ивановна.

Ангелина. Здравствуйте, Мария. Как вас по отчеству?

Маша. Аркадьевна.

Ангелина. Как поживаете? Мария Аркадьевна!

Маша. Живу еще.

Ангелина. Каким образом оказались в нынешних местах?

Маша. Приехала подышать сосновым бором.

Ангелина. И как дышится?

Маша. Замечательно. Легко.

Ангелина. А полотенце вам зачем через плечо?

Маша. Макнуться хочу.

Ангелина. Ночью?

Маша. А-ха!!!

Ангелина. Это с каких-то пор вы полюбили ночные декабрьские купания?

Маша. После известных вам событий.

Ангелина. Ясно-понятно.

Маша. А вы зачем шапочку резиновую надели?

Ангелина. С той же самой целью. Макнуться.

Маша. Странная встреча.

Маша. Ну и как, вам пишет Владимир Харитонович?

Ангелина. Пишет.

Маша. Мне тоже. Пишет.

Ангелина. И что же он вам пишет?

Маша. Письмо с собой, хотите, прочту.

Ангелина. Прочитайте.

Маша *(читает)*. «Здравствуй, голубушка моя, соловушка!»

Ангелина. «Голубушка-соловушка?» Мое точно так же начинается: «Голубушка-соловушка». Минуточку. *(Достает письмо, открывает, читает.)* Точно. И у меня «Здравствуй голубушка-соловушка». А дальше?

Маша. «Пишет тебе твой сердечный друг Владимир Харитонович эС, Савинов».

Ангелина. «Пишет тебе твой сердечный друг Владимир Харитонович Савинов».

Маша. «Живу я хорошо. Конечно, страшно без тебя скучаю».

Ангелина. «Живу я хорошо. Конечно, страшно без тебя скучаю».

Маша. «Погода у нас стоит хорошая, дождей мало».

Ангелина. «Погода у нас стоит хорошая, дождей мало».

Маша. «Механикам в авиации не надо подниматься в небо».

Ангелина. «...не надо подниматься в небо».

Маша. «Скучаю я по тебе ужасно».

Ангелина. «Скучаю по тебе ужасно».

Маша. «Люблю тебя и часто по ночам вспоминаю».

Ангелина. «Люблю тебя и часто по ночам вспоминаю».

Слово в слово.

Маша. Он, что же, письма нам под копирку строчит?

Ангелина. Так получается.

Маша. Смешно.

Ангелина. Это, по всей видимости, еще одно его гениальное изобретение!

Маша. Нехорошо, плохо, Владимир Харитонович... эС.

Ангелина. Давайте купаться, Маша. Кто первый?

Маша. Я! *(Аккуратно входит в студеную воду.)*

Ангелина *(следует за ней).* Как водичка вам?

Маша. Хорошая, хорошая, очень хорошая! Но холодная.

Ангелина. А давайте купаться в шубах! Оно теплее.

Маша. Давайте в шубах! Шубах-дубах!

Ангелина. Ой, хорошо.

Маша. Ой, отлично.

Ангелина. А вы смешная и славная.

Маша. И вы тоже.

Ангелина. Под копирку. Мерзавец!

Маша. Натерпелася я! Ой, поплыли!

Ангелина. Alles! Надоел! Пуще пареной редьки! Ой, поплыли, поплыли!

Маша. Я устала вас ненавидеть... за что мне вас ненавидеть.

Вы хорошая женщина. А давайте по лунной дорожке!

Ангелина. И вы тоже очень милая. А давайте синхронно!

Маша. Давайте синхронно. А давайте с музыкой! Я напою музыку. *(Поет.)*

Ангелина. Вы добрая, сердечная женщина. А давайте художественно. Вы пойте. Художественное синхронное плавание! Повторяйте за мной!

Маша *(повторяет ее движения).* Почему я должна вас ненавидеть?

Ангелина. Конечно, все люди на земле братья и сестры. Мы сестры, ведь правда? Давайте, как будто у нас выступление на чемпионате мира по синхронному плаванию!

Ангелина и Маша синхронно, красиво плывут под музыку. Луна их тщательно освещает.

Маша. Мы сестры, мы сестры!

Ангелина. Ой, как бодрит водичка-то!

Маша. Вы прекрасная женщина, вы талант, вы прославленная танцовщица. И душа у вас теплая, хорошая, добрая.

Ангелина. А вы, Маша, какая мать! Семерых детей на ноги поставить!

Маша. Луна какая вышла.

Ангелина. А поплыли по лунной дорожке аж за горизонт!

Смотрите, как я ручкой делаю!

Маша. Поплыли. Только недалеко.

Ангелина. А давайте далеко!

Маша. А давайте! Еще дальше далекого! Мы все братья и сестры! Все люди на земле и даже те, на других планетах, нам тоже братья и сестры.

Ангелина. Шумеры прилетели с планеты Нибиру, они посланники далеких звезд, они тоже, ведь, возможно, мы от них родом.

Маша. И кузнечики и стрекозы нам братья и сестры!

Ангелина. Мы чуть не поубивали друг друга! Из-за кого?

Это же смешно!

Маша. Из за Володьки!

Ангелина. И все Володьки нам братья и сестры!!

Маша. И Маргариты и Сары и Айгули и Абебы нам братья и сестры!

Ангелина. И мамонты, хоть те и почили, храни Всемирный Дух их волосатые души, нам тоже братья и сестры!

Маша. И моря и океаны!

Ангелина. Я целую тебя родное море!

Маша. И я целую любимое Балтийское море! Всех крабов на твоём дне рыб и скатов! Возненавидели, чуть не поубивали!

Ангелина. Из за глупого мальчишки, из за Володьки, из за моториста!

Маша. Право слово смешно! Поплыли! Стежками!

Ангелина. Я шить умею стежками, а плавать не умею!

Маша. А я рыбачка, я вас научу!

Уплывают за горизонт.

Сцена шестая

В самолете.

На месте бортинженера Владимир Сабинянинов.

На месте помощника Семен Камов.

Камов. Над морем летим, Владимир Харитонович! Страш-

но!!!

Володенька. Это еще что такое? Почему страшно, Семен?

Камов. Ночь, небо черное. Море черное. Небо бескрайнее.

Море бездонное! Зимнее ледяное море! А впереди!!!

Володенька. Что впереди?

Камов. Тьма непроглядная, Владимир Харитонович!

Пустота!

Володенька. Не тьма страшна, не пустота, вечность впереди,

Семен. Бесконечность времени.

Камов. Двигатель правый встал, на одном летим.

Володенька: Что случилось?

Камов: Не выдержал стужи, топливо остыло, загустело.

Володенька: На одном движке дотянем!

Камов. Что наши жизни, это секунды!

Володенька. А может так оказаться, что за спиной у вечности, существует нечто большее, чем сама вечность...еще одна мега-гигантская вечность, она в миллиард раз больше, чем вечность, о которой мы постоянно говорим. Наша вечность на ее фоне длится всего только пол минуты.

Камов. За вечностью еще одна вечность?

Володенька. Да!

Камов. За-вечность?

Володенька. Да! Гениально! Именно... за-вечность. Мега-гигантский объем времени, еще одна еще более непостижимая и протяженная бездна времени.

Камов. Лютый ужас, Владимир Харитонович!

Володенька. И вот мы человекусы проживаем свои жизньюшки, а они на фоне за-вечности, они всего лишь...мили-мили- мили- мили секундошки.

Камов. Один удар секундной стрелки, цык! И нету человекуса. Всего лишь один цык! Второй двигатель остановился. Планируем!

Володенька. Не цык, Сеня. А только одна, первая буква цэ! Скажи, на что мы надеемся?

Камов. На то что до аэродрома н дотянем. На снижение рез-

ко пошли.

Володенька. Душа у тебя мелкая, Камов, летит она по небу на самолетоцикле, твоя душа, а полета в ней самой-то и нет! Вот почему двигатели встали! Я те такие картины рисую апокалиптические, а ты о своей шкурке трясешься, вошь ты бессмысленная! За вечностью, я говорю, есть еще одна гигантская вечность!

Камов. Я понял.

Володенька. Но не прочувствовал! Попробуй хотя бы один движок запустить!

Камов. Пробую, насос грею, качаю.

Володенька. Долетим, не долетим, какая разница!

Камов. У меня мороз по коже от этих ваших заумных рассуждений, что за вечностью еще одна вечность!

Володенька. Дрожи, вошь, мучайся, страдай, мне тебя не жаль! Высота?!

Камов. Уже пять тысяч. Уже три, две.

Володенька. Температура за бортом?

Камов. Минус тридцать шесть градусов. Упадём в ледяное море с такой-то высоты. То есть не цык, а цэ, конечно! Оба движка заработали! Оба включились! Набираем высоту! Что это было? Может научение свыше?

Володенька. Эх, тяжело мне на душе. Тяжело, Сеня! Душа ноет, стонет душа!

Камов. А может у человека нет никакой души, а только веселые рассуждения все это.

Володенька. А звезды-то как близко!!! Рукой дотянутся можно! Они нам сияют, как глаза диких зверей. Нам — путешественникам, романтикам и мореплавателям. Включи осциллограф, давай посмотрим на дугу Гринбельдфойдена. Следи за подачей топлива! Не отвлекайся на разговоры. Мозга, мозга людская, заблудилась ты в черноте беспредельной, что тебя ждет, любимое человечество? Набирай высоту, не спи!

Камов. Еду, еду на коне, дождик капает по мне!

Володенька: А у маленького гнома, много клея обувного!

Двигатели захлебываются и снова входят в ритм.

Сцена седьмая, заключительная

Зал в квартире Ангелины.

За роялем Прасковья. Семь девочек у балетного станка.

Ангелина. Тяни ногу, Анфиса! Раз, два, три, раз, два, три. Лиза, выше подбородок. Ксения, пропускаешь такт, внимательнее! Маргарита, держи спину! Маринка, локоть от себя! Хорошо! Пальчики держи, мизинчик в сторону! Сонечка, опорная нога прямая! Умница! Танечка, улыбнись! Да, деточка, на носочках больно, а ты улыбайся! Искусство так и делается огромным терпением! И в жизни пригодится... Отлично. Слушаем музыку. Раз, два, три, четыре... Раз, два, три, четыре... Спасибо, занятие закончено.

Входит Маша.

Маша. Я ездила сегодня за город, цветов вам полевых набрала, Ангелина Ивановна.

Ангелина. Какая прелесть. Это мои любимые, ромашки, маргаритки, лютики. Прасковья, поставь цветы в вазу.

Прасковья берет цветы и уносит.

Маша. Хотела пораньше прийти, не успела, трамвай, сорок второй номер, задержался. Как у Сонечки адажио? Справляется?

Ангелина. Не волнуйтесь, все хорошо, у Сонечки ножка выправилась, она ее больше по полу не тянет. И у Маринки появляется чувство образа. Но медленно. Но хорошее чувство образа. Необычное.

Маша. Вот хорошо, они девочки способные, очень способные!

Ангелина. У вас же сегодня день рождения, Машенька, а вы

мне цветы.

Маша. Я вас очень уважаю, Ангелина Ивановна, мне хочется каждый день дарить вам цветы.

Ангелина. А хотите, я вам подарок сделаю? Мы с девочками для вас маленький трехминутный балетик отрепетировали. Подарочек на день рождения.

Маша. Конечно, хочу.

Ангелина. Девочки, станцуем?

Из общего строя выходит маленькая девочка.

Девочка. Посвящается нашей маме. Балет «Тепло в душе, тепло снаружи». *(Кланяется, встает в строй.)*

Звучит музыка. Девочки танцуют. Женщины плачут. Все плачут: Ангелина, Маша, Прасковья.

Конец произведения.

Занавес.